

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ VIII.

ВЫПУСКИ III — IV.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лнн., № 12.

1894.

Дешифровка орхонскихъ и енисейскихъ надписей ¹⁾.

Сто семьдесятъ лѣтъ, приблизительно, уже извѣстно, что въ южной Сибири, въ верховьяхъ Енисея, находятся надписи, писанныя не встрѣчавшимся въ другихъ мѣстахъ алфавитомъ на языкѣ не менѣе загадочномъ, — но только въ послѣдніе годы эти замѣчательныя надписи въ сравнительно большомъ количествѣ и въ болѣе точномъ воспроизведеніи стали доступными ученому міру, благодаря весьма цѣнному труду, носящему заглавіе «Inscriptions de l'Iénisséi recueillies et publiées par la Société finlandaise d'archéologie (Helsingfors 1889) и являющемуся результатомъ изслѣдованій, исполненныхъ на мѣстѣ по почину названнаго ученаго общества подъ руководствомъ І. А. Аспелина. Въ 1892 году профессоръ О. Доннеръ, въ видѣ дополненія къ указанному труду напечаталъ мемуаръ подъ заглавіемъ «Wörterverzeichnis zu den Inscriptions de l'Iénisséi» (Mémoires de la Société finno-ougrienne, IV). Изданіе енисейскихъ надписей произвело сенсацию въ филологическомъ и археологическомъ мірѣ, но новыя открытія, на этотъ разъ въ сѣверной Монголіи, въ долинѣ р. Орхона, въ окрестностяхъ древнихъ городовъ Каракорума и Кара-Балгасуна, еще болѣе поразили ученый свѣтъ. Эти открытія обнаружили существованіе еще болѣе грандіозныхъ памятниковъ культуры, родственной енисейской. Въ надписяхъ, тамъ найденныхъ, оказались почти тождественныя съ енисейскими письма и самый языкъ надписей повидимому долженъ былъ быть, если не тождественнымъ съ языкомъ енисейскихъ надписей, то по крайней мѣрѣ близко ему родственнымъ.

1) Переводъ съ французскаго: Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénisséi. Notice préliminaire par Vilh. Thomsen.

Замѣчательными этими открытіями наука обязана съ одной стороны финскому ученому А. Гейкелю, совершившему въ 1890—91 г. поѣздки въ названныя мѣста, а съ другой—неоднократнымъ экспедиціямъ, которыя русское правительство съ 1891 года посылало туда подъ руководствомъ извѣстнаго турколога В. Радлова.

Результаты этихъ экспедицій предложены ученому міру 1) въ великолѣпномъ трудѣ, озаглавленномъ «Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société finno-ougrienne» (Helsingfors, 1892) и 2) въ не менѣ импонирующемъ сборникѣ фототипій, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1892 подъ заглавіемъ «Atlas der Alterthümer der Mongolei. Im Auftrage der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften herausgegeben von Dr. W. Radloff». Что касается состоянія самаго текста надписей въ обоихъ этихъ изданіяхъ, то я долженъ признаться, что тамъ, гдѣ между ними есть разногласія, я, вообще говоря, предпочитаю воспроизведенный печатными литерами текстъ изданія Финско-Угорскаго Общества тексту ретушированныхъ таблицъ атласа Радлова¹⁾. Во всякомъ случаѣ, для цѣлей слѣженія очень выгодно имѣть подъ рукой оба изданія. Но даже при этихъ условіяхъ чтеніе многихъ мѣстъ остается сомнительнымъ и новое критическое изданіе станетъ весьма желательнымъ, когда найденъ будетъ ключъ къ чтенію и объясненію надписей.

Отсылая для всѣхъ дальнѣйшихъ подробностей къ упомянутымъ выше изданіямъ, я напомнимъ только, что мы здѣсь будемъ имѣть дѣло преимущественно съ двумя большими памятниками, обозначенными цифрами I и II въ «Inscriptions de l'Orkhon» и буквами K и X въ «Атласѣ» Радлова. Но кромѣ нихъ существуютъ еще болѣе или менѣе значительныя отрывки многихъ другихъ надписей и продолжающіея розыски повидному объѣщаютъ дальнѣйшее увеличеніе ихъ числа. — На каждомъ изъ указанныхъ двухъ большихъ памятниковъ, изъ которыхъ I = K сохранился довольно хорошо, тогда какъ II = X довольно сильно пострадалъ, имѣются, кромѣ весьма длинныхъ надписей енисейскими письменами, еще и китайскія надписи на одной изъ четырехъ сторонъ. Китайская надпись памятника I — я впредь буду держаться обозначенія, принятаго въ «Inscriptions de l'Orkhon», — была объяснена Г. фонъ-деръ-Габеленцемъ въ цитованномъ изданіи, стр. XXV и сл., и затѣмъ съ большей точностью и подробностью голландскимъ синологомъ Г. Шлегелемъ въ мемуарѣ «La stèle funéraire du Téghin Giogh» (Mém. de la Société finno-ougrienne, III, Helsingfors 1892).

1) Въ этомъ атласѣ, впрочемъ, есть и неретушированныя таблицы всѣхъ большихъ надписей. *Прим. переводчика.*

Оказывается, что памятникъ, какъ о томъ сообщаютъ также и китайскіе историки, былъ воздвигнутъ въ память *Кюэ-ти(к)-кин'а*, т. е. принца (по тюркски *тигин*) Кюэ (о правильной формѣ имени см. ниже), сына *Кут-то-лук ко-хан'а*, т. е. кагана или хана Кутлуг'а (по тюркски *кутлуг* = счастливый), и младшаго брата царствовавшаго кагана, названнаго здѣсь просто *Ли(т)-кіа ко-хан* (ср. ниже; другіе источники ему даютъ имя *Мики-лян* или *Могилан*, *Могилэн*). Надпись снабжена датой, соответствующей 28 января 733 по Р. Хр. Изъ китайскихъ источниковъ мы знаемъ, что этотъ принцъ Кюэ принадлежалъ къ династіи *Ту-кюэ* или тюрковъ, властвовавшей въ этихъ странахъ съ половины VI вѣка, когда ихъ власть была низвергнута родственными имъ племенемъ уйгуровъ, и что онъ умеръ въ 731 году.

Второй памятникъ долженъ быть почти современнымъ первому и довольно значительная часть его надписи совершенно или почти совершенно тождественна со многими частями надписи памятника I. Мы знаемъ въ точности, что онъ былъ воздвигнутъ въ честь брата упомянутаго въ первомъ памятникѣ принца, т. е. кагана Могпяня, который умеръ въ 734 г.

Съ точки зрѣнія исторической значеніе и происхожденіе этихъ памятниковъ такимъ образомъ являются достаточно опредѣленными, но многочисленныя надписи, изображенныя на нихъ вышеупомянутымъ загадочнымъ алфавитомъ, до сихъ поръ никакъ не поддавались объясненію. Этихъ надписи и составляютъ предметъ настоящей замѣтки.

Надписи эти расположены, какъ китайскія, вертикальными строками, такъ что письма являются какъ бы лежащими головкой направо, ножкой направо. Очевидно, какъ впрочемъ и доказано было другими авторами, что строки должны читаться сверху внизъ, какъ въ китайскомъ и монгольскомъ, а не снизу вверхъ. Другими словами, если мы расположимъ строки горизонтально, поставивъ, такъ сказать, на ноги самыя письма, то мы ихъ должны читать справа на лѣво, какъ мы это дѣйствительно и видимъ по крайней мѣрѣ на одной надписи, именно на довольно хорошо сохранившемся фронтисписѣ памятника III, табл. 46, *Inscript. de l'Orkhon* = «Атласъ» Радлова, табл. XXXV, 1, и въ нѣкоторыхъ надписяхъ египетскихъ.

Но тутъ является другой вопросъ. Въ какомъ порядкѣ расположены вертикальныя строки по отношенію одной къ другой? Другими словами: слѣдуетъ-ли ихъ читать справа на лѣво, какъ въ китайскомъ, или слѣва на право, какъ въ монгольскомъ? Какъ въ «*Inscriptions de l'Orkhon*», такъ и въ «Атласѣ» Радлова принята послѣдняя система. Если мы напрямѣръ посмотримъ на восточную сторону памятника I, мы увидимъ, что въ обоихъ изданіяхъ крайняя съ лѣвой стороны строка названа первой (l. 1) и край-

няя съ правой стороны—сороковой (I. 40). Основаніемъ такого обозначенія повидимому послужило только то соображеніе (ср. «Inscrip. de l'Orkhon», р. XLIII и G. Huth, Die Inschrift von Karakorum, Berlin 1892, стр. 20 и сл.), что, если каждой строкѣ и ея письменамъ придать нормальное [т. е. горизонтальное] положеніе и признать за первую строку — крайнюю съ правой стороны, то получилась бы та странность, что строка, слѣдующая за первой, оказалась бы надъ этой послѣдней и т. д. Такое соображеніе однакоже въ сущности не имѣетъ никакого значенія. Строки нашихъ надписей расположены вертикально; слѣдовательно не можетъ быть рѣчи о строкѣ нижней или верхней. Все это только наши субъективныя впечатлѣнія, когда мы, для бѣльшаго удобства, представляемъ себѣ надписи въ строкахъ горизонтально расположенныхъ и читаемъ ихъ справа налево.

Между тѣмъ, у насъ есть весьма простое средство рѣшить этотъ вопросъ совершенно категорически. Это средство — тщательное сравненіе параллельныхъ мѣстъ въ обѣихъ надписяхъ. Средство это издателями было упущено изъ виду и съ одной стороны выраженія, въ которыхъ г. Дюннеръ («Inscrip. de l'Orkhon», р. XLVI) констатируетъ самый фактъ, а съ другой стороны приемы, употребленные при составленіи сравнительной таблицы параллельныхъ мѣстъ, показываютъ, что не было произведено тщательнаго сличенія обѣихъ надписей. Если, напрямѣръ, мы по сравнительной таблицѣ сличимъ, I, 18 съ II, 23 и затѣмъ перейдемъ къ I, 19, сравнивая съ II, 24, 22, мы не мало удивимся курьезному смѣшенію словъ въ параллельныхъ мѣстахъ. Но если мы начнемъ съ конца, дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ: начало I, 40 мы находимъ въ концѣ II, 40 (II, 41 и большая часть II, 40 не представляютъ полнаго параллелизма съ I); осталная часть I, 40 слово въ слово повторяется въ первой половинѣ II, 39, тогда какъ непосредственное продолженіе II, 39 есть I, 39, конецъ которой въ свою очередь совпадаетъ съ началомъ II, 38 и затѣмъ это полное совпаденіе продолжается — за исключеніемъ весьма немногочисленныхъ уклоненій преимущественно графическаго характера—и замѣчается вплоть до начала I, 11, которое тождественно съ началомъ II, 18. Съ этого мѣста детальныя совпаденія въ текстѣ становятся все болѣе и болѣе рѣдкими.

Подобное-же отношеніе обнаруживается при сличеніи I, 54 до середины I, 44 (на южной сторонѣ памятника) съ сильно поврежденнымъ параллельнымъ мѣстомъ II, 77—70 (на сѣверной сторонѣ). Въ этихъ параллельныхъ мѣстахъ мы, разумѣется, имѣемъ важное средство для восстановленія текста во многихъ мѣстахъ и для заполнения пропусковъ, но кромѣ того изъ этого же факта вытекаетъ съ несомнѣнностью, что строки слѣдуетъ читать справа налево какъ въ китайскомъ, такъ что, напрямѣръ,

надпись на восточной сторонѣ памятника I на самомъ дѣлѣ начинается съ той строки, которая въ изданіяхъ обозначена сороковой, тогда какъ первая строка изданій оказывается въ дѣйствительности сороковой¹⁾.

Это подтверждается еще и другимъ обстоятельствомъ: на южной сторонѣ памятника II (= табл. 30 Inscript. de l'Orkhon = табл. XXIV «Атласа» Радлова) замѣчается между строками 45 и 46 (= Радловъ X a, строки 3 и 4) довольно большое мѣсто, оставленное безъ письменъ и образующее очевидно промежутокъ между двумя отдѣлами. При этомъ строка 46 прерывается приблизительно на серединѣ обыкновенной длины строкъ, являясь повидимому конечной строкой отдѣла, оканчивающагося у пустого пространства, между тѣмъ какъ строка 45-я, начинаясь съ тѣхъ-же самыхъ словъ, съ которыхъ начинаются новые отдѣлы, стр. 41 и 77 = I, 54 (титулы хана), очевидно также составляетъ вступленіе къ новому отдѣлу.

Порядокъ, въ которомъ расположены строки, такимъ образомъ можетъ быть изображенъ такъ:

ъ	р	а
и	е	р
г	т	с

Относительно вопроса, какая сторона памятника содержитъ начало надписей, надо сказать, что онъ не представляетъ особенной важности, ибо очевидно, что новые отдѣлы начинаются какъ на восточной сторонѣ обѣихъ памятниковъ, такъ и на южной сторонѣ памятника I, соответствующей сѣверной сторонѣ памятника II. Но по всему видно, что широкая восточная сторона — главная, и я полагаю, что на ней и надо искать настоящаго начала надписей.

Всѣ до свхъ поръ сдѣланныя попытки дешифровать какъ енисейскія, такъ и орхонскія надписи не дали никакихъ положительныхъ результатовъ. Онѣ впрочемъ и не опирались на сколько нибудь ясный и вѣрный методъ. Принимались отыскивать чисто внѣшнія совпаденія между этими странными письменами и нѣкоторыми буквами другихъ алфавитовъ. Самъ г. Донперъ, въ введеніи къ Inscr. de l'Orkhon, стр. XLIII и сл., равно какъ и въ нѣкоторыхъ мелкихъ статьяхъ, опубликованныхъ раньше, держался такого пріема и постарался указать на сходство загадочныхъ письменъ съ греческими и малоазійскими. Но не слѣдуетъ забывать, что эти послѣднія по времени приблизительно на 1000 лѣтъ или даже болѣе пред-

1) Въ письмѣ отъ 22 ноября (4 декабря) 1893 г. г. Радловъ мнѣ сообщалъ, что онъ сдѣлалъ то-же самое наблюденіе, и что исправленное расположеніе строкъ будетъ принято въ новомъ изданіи надписей, приготовляемомъ къ печати.

шествуютъ времени нашихъ надписей. Надо твердо помнить, что всё подобныя совпаденія такимъ образомъ представляются какъ бы оптическимъ обманомъ. Только тогда, когда другими путями удастся опредѣлять значеніе псьмень, подобныя сопоставленія съ другими алфавитами представлять интересъ для выясненія происхожденія этихъ псьмень.

Затѣмъ на первыхъ порахъ будетъ необходимо держаться исключительно орхонскихъ надписей, оставляя въ сторонѣ енисейскія, ибо эти послѣднія представляютъ особыя затрудненія и возбуждаютъ много сомнѣній, и я даже считаю себя теперь вправѣ утверждать, что безъ орхонскихъ надписей енисейскія никогда не удалось бы дешифровать.

Единственными точками опоры при дешифровкѣ, которыми мы располагаемъ, слѣдующія:

1) Самые надписи: условія, въ которыхъ мы находимъ отдѣльные знаки или слова, варіанты орфографическіе въ однихъ и тѣхъ же словахъ и тому подобныя факты.

2) Показанія китайскихъ надписей. Что касается сплхъ послѣднихъ, то прежде всего ясно, какъ было уже указываемо и другими учеными, что мы тутъ не имѣемъ предъ собою обыкновенныхъ двуязычныхъ надписей. *Во первыхъ* среднее число словъ каждой строки показываетъ намъ, что надпись загадочными письменами на 4 или на 5 разъ длиннѣе китайской надписи, и *во вторыхъ* самый слогъ и особенный характеръ послѣдней дѣлаетъ *a priori* вѣроятнымъ, — что и подтвердилось на самомъ дѣлѣ — что обѣ надписи совершенно независимы другъ отъ друга ¹⁾.

Пользуясь указанными средствами, я, какъ мнѣ кажется, успѣлъ совершенно дешифровать загадочныя письмена, такъ долго не подававшіяся разбору. Я вкратцѣ укажу на путь, которымъ я шелъ, и на результаты, которые я получаю.

Число отдѣльныхъ знаковъ — 38, не больше, такъ какъ одинъ изъ устанавливаемыхъ 39 знаковъ, именно **L**, по моему мнѣнію является лишь по недоразумѣнію замѣной другихъ, то 7-го, то 13-го (см. ниже стр. 337). Какъ уже давно замѣчено было, слова обыкновенно раздѣляются двосточіемъ, но не всегда. Короткія слова, какъ-то мѣстоименія, числительныя и т. п., въ большинствѣ случаевъ сливаются то со слѣдующими за ними, то съ

1) Одно только начало надписи на восточной сторонѣ, 40-я строка изданій, которое я перевожу такъ: «Когда сотворены были голубое небо (кѡк тѣнрї) на верху и темная земля (јаѣыз жір) внизу, были сотворены посреди нихъ сыны человѣка» и пр. — представляеть въ которое очень отдаленное сходство съ китайской надписью памятника I: «О небо столь голубое! Нѣтъ ничего, что бы не было охраняемо тобой! Небо и люди связаны между собой и вселенная однородна» и пр.

предшествующими словами. Это обстоятельство некоторым ученым (как напр. г. Huth, въ выше, на стр. 330, цитованномъ трактатѣ) дало поводъ ошибочно предположить, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ особымъ нарѣчіемъ, грамматическія формы котораго образуются при помощи префиксовъ и суффиксовъ — какъ напр. въ египетско-остячкомъ языкѣ. Гг. Донперъ (Inscript. de l'Orkh., р. XLVIII) и Радловъ (Предисл. къ «Атласу») возстали противъ правильности такого предположенія.

Обиліе отдѣльныхъ знаковъ сразу дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что загадочное письмо это не есть обыкновенный алфавитъ съ опредѣленнымъ знакомъ для каждаго отдѣльнаго звука, а что оно должно быть или письмомъ слоговымъ, или по крайней мѣрѣ такимъ, въ которомъ знаки для одного и того-же звука въ извѣстныхъ предѣлахъ разнообразятся, смотря по различнымъ условіямъ, въ которыхъ этотъ звукъ находится.

Первой моею задачей было выяснитъ, имѣются-ли особые знаки для гласныхъ и какіе эти знаки, и тутъ успѣхъ въ сущности былъ достигнутъ довольно легко. Для предварительнаго рѣшенія вопроса я взялъ точкой исхода то соображеніе, что если дана комбинація знаковъ *xux*, т. е. если одинъ и тотъ-же знакъ стоитъ передъ другимъ и послѣ него, наибольшая вѣроятность будетъ въ пользу предположенія, что *u* будетъ гласнымъ, если *x* — согласный, и наоборотъ. Тщательно сравнивая подобныя комбинаціи и знаки въ нихъ входящіе, можно въ общемъ легко и вѣрно найти гласные, особенно когда подъ рукой имѣются столь страшные матеріалы, какъ наши тексты. Такимъ-то образомъ я уже давно нашелъ, что знаки **У**, **Г** и **Н** должны изображать гласные звуки, и этотъ фактъ замѣчательно согласовался съ другимъ наблюденіемъ, которое естественно должно было привести къ подобному же заключенію. Въ самомъ дѣлѣ, при сравненіи съ точки зрѣнія орфографіи однихъ и тѣхъ же словъ въ параллельныхъ мѣстахъ нашихъ текстовъ, оказалось проходящимъ черезъ всѣ эти мѣста общимъ правиломъ, что именно эти три знака то пишутся, то опускаются. Это явленіе въ такомъ видѣ не относится ни къ какому изъ остальныхъ знаковъ. Единственно возможное объясненіе этого явленія то, что именно эти три знака обозначаютъ гласные звуки и что гласный звукъ по произволу можетъ писаться или опускаться, когда легко его подразумѣвать.

Продолжая изслѣдованіе отношеній между каждымъ изъ этихъ трехъ гласныхъ знаковъ и остальными знаками, которые слѣдовательно должно считать изображающими согласные, я не замедлилъ найти, что эти отношенія въ извѣстной мѣрѣ подчиняются постояннымъ правиламъ, другими словами, что не всякій гласный можетъ соединяться съ даннымъ согласнымъ. На одной сторонѣ стоялъ **У**, въ которомъ я не могъ не видѣть знака для

y (и *o*), на другой — два другихъ знака, отношенія которыхъ къ согласнымъ указывали на болѣе тѣсное взаимное родство, между тѣмъ какъ со знакомъ для *y* эти отношенія далеко не столь тѣсны. Судя по способу употребленія, Г могъ быть признаннымъ только за *i*; Н я сначала принялъ было за *e*, но это предположеніе было неправильно и долгое время мѣшало успѣху дешифровки. Теперь я знаю, что этотъ знакъ обозначаетъ *ö*, *ÿ*, которые по первому моему предположенію должны были выражаться тѣмъ же знакомъ, что *y* ¹⁾. Относительно *a* я допускалъ возможность, что для этого гласнаго не существовало особаго знака, какъ это напр. замѣчается въ индійскихъ алфавитахъ. Только гораздо позже я вполнѣ убѣдился, что дѣйствительно какъ *a*, такъ и *ä* (*e*) не пишутся ни въ началѣ, ни въ серединѣ слова, но что тѣмъ не менѣе для *a* или, смотря по условіямъ, для *ä* (*e*) существуетъ особый знакъ J, который однакоже употребляется исключительно въ концѣ словъ.

Изученіе всей совокупности этихъ отношеній дало мнѣ возможность объяснить себѣ многочисленность согласныхъ тѣмъ предположеніемъ, что одинъ и тотъ же согласный звукъ выражается различными знаками, смотря по сопровождающему его гласному, а это въ свою очередь заставило меня находить вѣроятнымъ, что языкъ надписей подчиняется законамъ гармоніи гласныхъ. Сличеніе же орфографическихъ вариантовъ однихъ и тѣхъ же словъ, равно какъ и нѣкоторыя статистическія наблюденія касательно употребленія различныхъ знаковъ, привели меня къ мысли о близкомъ родствѣ между собой довольно значительнаго числа знаковъ, или къ извѣстнымъ предположеніямъ относительно ихъ характера какъ взрывныхъ, носовыхъ и т. п. Далѣе дѣлалось для меня очевиднымъ, что нѣкоторые, немногочисленные знаки должны обозначать не простые согласные звуки, а комбинаціи согласныхъ. Но я здѣсь не могу входить въ подробности относительно всѣхъ этихъ вопросовъ.

Для достиженія дальнѣйшихъ успѣховъ, разумѣется, необходимо было найти значенія нѣкоторыхъ словъ и особенно нужно было отыскать нѣкоторыя изъ собственныхъ именъ, фигурирующихъ въ китайскомъ текстѣ. Долгое время я искалъ ихъ безъ успѣха и теперь я этому нисколько не удивляюсь, такъ какъ я знаю, что большая часть этихъ именъ совсѣмъ не встрѣчается въ нашихъ надписяхъ. Но съ самаго начала мое вниманіе все болѣе и болѣе сосредоточивалось на двухъ словахъ.

1) Я считаю долгомъ замѣтить, что въ цитованномъ выше письмѣ г. Радловъ сообщаетъ мнѣ, что онъ также въ указанныхъ выше трехъ знакахъ узналъ гласные и второму изъ нихъ (Г) присвоилъ значеніе *i*.

Одно изъ нихъ встрѣчается чрезвычайно часто, какъ въ орховскихъ, такъ и въ енисейскихъ надписяхъ. Оно встрѣчается то съ извѣстными суффиксами, то безъ нихъ и между прочимъ довольно часто занимаетъ бросающееся въ глаза положеніе или въ началѣ новаго отдѣла надписи, или въ такихъ комбинаціяхъ, въ которыхъ я съ нѣкоторою вѣроятностью могъ видѣть формулы ханскаго титула (*каганъ небесный*; ср. Inscr. de l'Orkhon, р. XXIX, XXXV [4]). Это слово — **ᠠᠨᠠᠨᠤ**. Оно еще тѣмъ казалось замѣчательнымъ, что, безъ суффиксовъ, оканчивалось знакомъ, въ которомъ я призналъ обозначеніе гласнаго *i*. Эти соображенія заставили меня видѣть въ немъ слово *tānci*, общее монгольскому и всѣмъ тюркскимъ языкамъ (въ послѣднихъ частію въ видоизмѣненныхъ, болѣе новыхъ формахъ) и означающее *небо*, *Богъ*.

Второе слово, къ которому я много разъ возвращался и которое часто встрѣчается на памятникѣ I, тогда какъ оно на памятникѣ II повидимому не имѣется — слово **ᠬᠣᠭᠤᠮᠤᠨᠠ**. Послѣ долгихъ колебаній я все болѣе и болѣе убѣждался, что это единственное слово, въ которомъ могло бы скрываться полное имя принца, въ честь котораго былъ воздвигнутъ памятникъ. Въ китайской надписи онъ, какъ мы видѣли (стр. 329), называется *Кюэ-ти(к)-кинъ* [K'üeh-ti(k)-kin] и это имя до послѣдняго времени считали отвѣчающимъ тюркской формѣ *Kök-tigin*, т. е. принцъ Кокъ (= голубой; транскрипція «Giogh», употребленная г. Шлегелемъ, неудачна). Причина, которая долгое время мнѣ не позволяла узнать это имя въ вышеупомянутомъ словѣ, заключалась съ одной стороны въ томъ невѣрномъ значеніи, которое я придалъ было сначала знаку **ᠨ**, а преимущественно въ томъ, что я не могъ доказать для знака **ᠬ** значенія *к* въ какихъ-либо другихъ словахъ. Я долженъ былъ еще много работать надъ дешифровкой прежде чѣмъ вполне выяснитъ себѣ настоящее положеніе дѣла: **ᠬ** не есть *к*, а *л* (съ небнымъ гласнымъ) и слѣдовательно имя принца не *Kök* — это слово какъ нарицательное встрѣчается (ср. выше, стр. 332 прим.), имѣя въ концѣ общій знакъ для *к*, т. е. **ᠨ** — а *Köl* или *Kül-tigin*. Такъ какъ китайскій языкъ въ концѣ слога не терпитъ *л*, то этотъ звукъ былъ просто опущенъ, какъ въ словѣ *ти-киа* (pi-kiа) или, какъ пишетъ г. Шлегель, *пит-киа* (pi-kiа; ср. выше стр. 329), которое не есть собственное имя, а нарицательное, по тюркски *біла* (**ᠪᠢᠯᠠ**), и значить *мудрый*.

Эти два слова открыли мнѣ значеніе крайне часто встрѣчающагося **ᠬᠤᠮᠤ**, ибо послѣдній знакъ (на лѣвой сторонѣ = № 10, ср. стр. 337), какъ я нашелъ уже раньше, обозначаетъ тотъ же звукъ, что и первый знакъ слова *Kül* (№ 9). Слово произносится *түрк* (= китайскому *Ту-кюэ*, стр. 329). Такимъ образомъ языкъ надписей опредѣлялся какъ принадлежащій къ

тюркской группѣ, какъ и можно было ожидать на основаніи историческихъ данныхъ и именъ и словъ, встречающихся въ китайскихъ текстахъ нашихъ памятниковъ.

Чтеніе опредѣленныхъ такимъ образомъ знаковъ въ другихъ словахъ, дѣлало для меня ясными и понятными, какъ чисто тюркскія, все болѣе и болѣе многочленные слова и одновременно эти-же слова раскрывали мнѣ по одиночкѣ значеніе остававшихся еще темными знаковъ, пока наконецъ не выяснился мнѣ весь алфавитъ. Въ настоящее время я нахожу еще темными многія детали самыхъ надписей, но я тѣмъ не менѣе уже теперь полагаю, что я могу чтать и понимать настолько значительныя части этихъ надписей, что не могу больше сомнѣваться въ правильности моего разбора алфавита ¹⁾.

Для перваго раза я здѣсь ограничусь сообщеніемъ найденнаго мною алфавита. Замѣчу еще, что звуки я передаю согласно съ системой, принятой г. Радловымъ въ его *Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk-sprachen*, I, Lpzg. 1892 (напр. *u* = *ou* франц.; *y* = смѣшанный гласный, почти равный польскому *y*; *j* = согласный *i* и пр.). Насчетъ гласныхъ ср. выше стр. 333 и сл.); какъ примѣръ оцущенія гласныхъ я здѣсь приведу только очень употребительное сочетаніе **1**, т. е. *alp* [*am*] «храбрый» (высокій) и *alyr* [*amyn*] «взявъ». При согласныхъ я ставлю ¹ при знакахъ, употребляющихся только съ гортанными гласными (*a*, *o*, *u* и болѣею частью *y*), и ² при знакахъ, употребляющихся только съ небными гласными (*ä*, *ö*, *ü*, *i*). Гласный *y* нѣсколько колеблется между обѣими этими группами и есть извѣстные согласные, особенно *j* и *s*, съ которыми при этомъ гласномъ предпочтительно ставятся знаки второй группы.

1) Соплосъ напр. на полный титулъ *небеснаго кагана*, какъ онъ читается на памятникѣ I, строка 54=II, 77: *тәңрідәк тәңрідә болмыш түрк билгә каған*, т. е. слово въ слово: «мудрый каганъ тюрковъ, бывший на небѣ, подобный небу (или Богу)», или II, 41 и 45 съ вариантомъ *тәңри жарытмыш «освѣтлившій небо», вмѣсто тәңрідә болмыш «бывшій на небѣ». Этотъ титулъ еще въ другой формѣ является на фронтисписѣ памятника III, относящагося ко временамъ Уйгуровъ (Inscriptions de l'Orkh. табл. 46 = «Атласъ» Радлова, табл. XXXV, 1), гдѣ я читаю: [б?]у тәңри к'и[и?] тәңрідә к[у]т булмыш *л[п] билгә тәң[р]и уй'гур К[а]ған . . .], т. е. «храбрый (или высокий) и мудрый небесный каганъ Уйгуровъ, нашедшій счастье на небѣ, послѣ (?) неба (или Бога)». Не зная моея дешнѣровки, которая тогда уже была закончена, г. Радловъ имѣлъ любезность сообщить мнѣ въ часто приводимомъ мною письмѣ, что въ началѣ уйгурской части надписи этого-же самаго памятника ему удалось прочесть слѣдующую формулу титула хана: «мудрый и высокий каганъ, нашедшій счастье на небѣ». (О китайской передачѣ этого титула ср. *Inscript. de l'Orkh.*, p. XXIX, 29). Если это сообщеніе съ одной стороны дало мнѣ возможность запомнить пробѣлъ одной буквы въ словѣ *К(у)т* «счастье», то съ другой это совпаденіе служитъ важнымъ доказательствомъ правильности моея дешнѣровки.*

[Алфавитъ представляется въ слѣдующемъ видѣ ¹⁾]:

1. А a, ä [a, ä]	20. У u ¹ [u]
2. Б y, i [ы, и]	21. Н n ² [n]
3. С o, u [о, у]	22. М m [m]
4. О ö, ü [ö, ü]	23. Р r ¹ [r]
5. К q (k ¹) [k]	24. Р r ² [p]
6. К q передъ у [к передъ и послѣ у]	25. Л l ¹ [l]
7. К q (послѣ и передъ) о, u [k]	26. Л l ² [l]
8. Г γ (g ¹) [g]	27. Д j ¹ [j]
9. К k (k ²) [k]	28. Д j ² [j]
10. К k послѣ (передъ) ö, ü [k]	29. Э -j (-i) ai [j, ai, oj]
11. Г g (g ²) [g]	30. С s ¹ [c]
12. Т t ¹ [t]	31. Ш s ² (ś?) [c, ш]
13. Т t ² [t]	32. Ш z (-s) [з]
14. Д d ¹ [d]	33. Ш š [ш]
15. Д d ² [d]	34. Ч č [ч]
16. П p (-p) [p]	35. Ч (i)č [ч, ич]
17. Б b ¹ (p ¹ ?) [б]	36. Н nd (nt) [нд]
18. Б b ² (p ² ?) [б]	37. Ч nč [ич]
19. Н η (ng) [н]	38. Л ld (lt) [лд, ld, лг, lg]

Я здѣсь не могу представить болѣе подробныхъ доказательствъ моеи дешифровки. Строго говоря, настоящее доказательство можетъ дать только языкъ, который получается, если каждый знакъ замѣнить тѣмъ звукомъ, который я ему приписываю. Языкъ же этотъ оказывается настоящимъ тюркскимъ нарѣчьемъ, совершенно гармоничнымъ, очень близко родственнымъ уйгурскому, но не совсѣмъ съ нимъ тождественнымъ. Въ некоторыхъ отношеніяхъ наше нарѣчіе кажется болѣе первобытнымъ. Кромѣ того оно предъ уйгурскимъ имѣетъ то преимущество, что звуковые отгѣнки въ немъ могутъ быть изображаемы гораздо болѣе точно, чѣмъ это позволяетъ уйгурское письмо.

Опредѣленно говорить о происхожденіи нашего алфавита было бы преждевременно. Я пока позволю себѣ только обратить вниманіе на сходство некоторыхъ знаковъ съ знаками алфавита (семитско-)пехлевійскаго.

Ограничиваясь пока этими замѣчаніями, я предоставляю себѣ право въ другомъ мѣстѣ болѣе подробно сообщить о результатахъ мой дешифровки.

1) [Для удобства читателей «Записокъ В. О.» я рядомъ съ латинскими ставлю между [] русскія буквы транскрипціи В. В. Радлова. В. Р.]